

ВООБРАЖАЕМОЕ РОДСТВО: К ПОСТАНОВКЕ ВОПРОСА

Виктория Аракелова

Институт востоковедения

Российско-Армянский (Славянский) университет, Ереван

A language may spread without appreciable population movement.
(Diakonoff 1990: 54)

Abstract

The paper is an attempt to analyse the issue of the imagined kinship. Inspired mainly by language affinity and occurring on different levels and under different historical-political circumstances, this phenomenon can become an essential part of a cultural discourse and even contribute to the creation of a new ideology.

Keywords: *Imagined Kinship, Indo-Europeans, Pan-Turkism, Ossets, Talyshis, Zazas, Yezidis, Iran, India*

Аннотация

В работе предпринята попытка анализа воображаемого родства. Навянный преимущественно языковым родством, но возникающий на разных уровнях в различных историко-политических обстоятельствах, данный феномен может стать частью некоего культурного дискурса и даже способствовать созданию новой идеологии.

Ключевые слова: *воображаемое родство, индоевропейцы, пантюркизм, осетины, тальши, заза, езиды, Иран, Индия*

Навянный, конечно же, “воображаемыми сообществами” (Imagined Communities) Бенедикта Андерсона (Anderson 1991), предлагаемый сложный термин “воображаемое родство”, так сказать, Imagined Kinship, призван определить феномен, возникающий как следствие ситуации, когда сугубо научное построение, основанное на общности или родстве отдельного признака или элемента – преимущественно языкового – неких сообществ, начинает восприниматься в данных сообществах как доказательство вполне реального генетического и/или культурного родства, что впоследствии становится фундаментом неких идеологий, а в некоторых случаях – серьезным политическим фактором.¹

¹ Конечно, Андерсон в своей известной работе говорит в целом о народе/нации (nation), который, по его мнению, является лишь воображаемым политическим сообществом. Термин “воображаемый” (imagined), изначально относившийся, прежде всего, к конструктивистской теории Андерсона о генезисе национализма, ныне получил более широкое хождение, обозначая как ассоциации людей, объединенных общностью интересов, так и социально-философские конструкты типа “воображаемых географий” Эдварда Саида (Said 1978), – скажем, “воображаемый Курдистан” (Asatrian 2009: 19-21). В нашем случае вполне релевантным могло бы быть и определение “иллюзорный”; мы, однако, отдаем предпочтение уже устоявшемуся термину “воображаемый”, тем более что воображаемые сообщества Андерсона, в конечном счете, основаны именно на имплицитно ощущаемом реальном или воображаемом родстве. Тут уместно привести забавный случай о том, как объективная историческая информация, прежде не известная соотносимо с ней сообществу,

В данном очерке в жанре *stray notes*, претендующем лишь на постановку вопроса с акцентированием некоторых знаковых тенденций в русле указанной тематики, мы коснемся нескольких показательных случаев, в которых воображаемое родство представлено на разных уровнях и является следствием различных процессов.

Доказанное на заре индоевропеистики, в начале 19-го века, родство целого ряда языков – от Индийского субконтинента до ирландских берегов Атлантики – породило ошибочное, но устойчивое клише о том, что говорящие на этих языках народы, так или иначе, родственны генетически. Эта, пусть и не явно артикулируемая, но надолго утвердившаяся идея существует доселе по умолчанию, несмотря на то, что предположить подобное родство между темнокожим индийцем и, скажем, “нордическим” норвежцем довольно сложно.

Упрощенное понимание связи между языком и происхождением ныне говорящего на нем народа, иллюзия детерминированности этой связи привели в свое время к возникновению, например, идеологии пантюркизма, или пантуранизма – как “закономерный” результат выявленной на основе сравнительно-исторического метода родственной связи между тюркскими языками. А позднее, когда выяснилось, что тюркские языки к тому же являются частью более крупной, алтайской языковой семьи, включающей также финно-угорские языки, возникло понятие и алтайской общности народов. Тут, конечно же, не следует путать алтайскую или индоевропейскую исторические общности, безусловно предполагавшие в отдаленном прошлом некие единые этноязыковые образования, постулируемые для определенных времени и территории, с ныне говорящими на алтайских или индоевропейских языках континуумами этносов. Заблуждения носителей идеи любого воображаемого родства, собственно, и являются результатом смешения двух упомянутых совершенно разных предметов и ошибочной убежденности в том, что говорящие сегодня на родственных языках народы некогда составляли единые общности – индоевропейскую, алтайскую, афразийскую и т.д. Благо, в случае с алтайской семьей до идеологии паналтаизма дело не дошло, хотя отголоском самой возможности появления таковой можно считать, скажем, особое отношение к пантюркизму и к тюркизму в целом в Венгрии – по крайней мере, в кругах интеллигенции, “посвященной” в теорию “алтайского единства”.

Ярким примером воображаемого родства, ставшего основой идеологемы “Один народ – два государства”, являются отношения между Азербайджанской

проникнув в среду, становится органичной частью преданий и даже неким культурным маркером самосознания народа. Когда в начале 50-х годов прошлого века советские ученые начали изучение ягнобцев, то в ходе полевых работ при сборе языкового материала они не раз говорили местным информантам, что те являются потомками древних согдийцев, а ягнобский язык представляет собой новосогдийский диалект. Каково же было удивление членов более поздних экспедиций, когда они услышали от рядовых ягнобцев уже оформленную этногенетическую легенду, обросшую за короткий срок массой новых деталей. Альберт Леонидович Хромов, один из первых советских исследователей ягнобцев, рассказывал, как кто-то из посетивших Ягноб исследователей с удивлением восклицал: “Представляете, а ведь ягнобцы знают, что согдийцы - их предки! Даже о Деваштиче (последний царь Согда) знают!”. Данный случай относится, скорее, к категории нейтрального влияния научного построения на внутригрупповой дискурс, ибо, по сути, тут нет ничего иллюзорного, а о политическом манипулировании данной научной информацией со стороны небольшого народа не может быть и речи.

Республикой и Турцией, государствами, чьи народы, по большому счету, ничего общего с тюркскостью, кроме языка, не имеют. Сравнительно незначительные по числу огузские племенные конфедерации в позднем средневековье распространили свой язык на территориях Малой Азии и юго-восточного Кавказа, а сами практически бесследно растворились среди населявших данные регионы многочисленных народов. Интересно, что сегодняшние политические течения, основанные на тюркской идее, в большинстве своем исходят именно от этих двух государств, между тем, как настоящие турки и по генетике и по языку – тюркоязычные народы от Казахстана до Туркмении, – скорее, безучастны к политическим увлечениям подобного рода, хотя большинство из них и входят в различного рода ассоциации тюркоязычных государств. В случае же с Азербайджанской Республикой и Турцией иллюзорность родства очевидна даже в недалекой исторической ретроспективе: вплоть до XX века, в особенности на фоне ирано-турецкого противостояния, для тюркоязычного населения южного и юго-западного Прикаспия турки-османы выступали фактически главными врагами и однозначно теми самыми “враждебными чужаками” (inimical others), на фоне которых изначально выстраивалась собственная, изначально подчеркнута нетюркская идентичность тюркоязычных, а если быть более корректным, подвергшихся языковой тюркизации народов (преимущественно иранских) указанного региона. Драматизм этого противостояния двух объединенных языковой общностью, но принципиально разных идентитетов, находит отражение даже в позднесредневековой европейской литографии (см. Асатрян 2012: 63-64). Однако всего одно столетие активной целенаправленной османизации сознания тюркоязычного сегмента населения Азербайджанской Республики – как раз уместный пример эффективного использования воображаемого родства в политических целях, увенчавшегося созданием устойчивого политического тандема Азербайджанской Республики и Турции.

Интересно наблюдать за развитием дискурса осетино-иранского воображаемого родства, проявляющегося в особом отношении к Ирану как к родственному государству среди осетин. В этом случае также именно язык выступает в качестве главного маркера воображаемого родства. Причем в собственно осетинской среде идея ирано-осетинского генетического родства довольно широко распространена на популярном уровне, что находит отражение в обсуждениях темы в соцсетях, блогах и т.д. Что касается Ирана, то и здесь можно говорить об особом отношении к осетинам, но с определенной ремаркой. В Иране присутствие идеи ирано-осетинского родства ощущается, скорее, в узких общественно-политических и интеллектуальных кругах исключительно как составляющая определенного культурного дискурса — на уровне теории о “братьях, живущих на Кавказе”, “носителях древнеиранской цивилизации”, якобы сохранивших вне Ирана больше иранского, чем какой-либо иной народ. Нет необходимости констатировать очевидный факт: осетинский язык и культура сохранили существенный архаичный пласт, действительно являющийся частью общеиранского наследия. Однако в рамках обсуждаемой темы речь идет о формировании новой общественно-политической парадигмы, во многом основанной на понятии воображаемого родства. Парадигмы,

впрочем, сугубо положительного свойства, в которой осетинам отведена роль “исторического кольца, связывающего Иран и Россию”.²

Очень показателен развивающийся процесс формирования основанного на воображаемом родстве условного альянса между талышами³ и народом заза.⁴ Последние – от 3 до 5 млн. человек – компактно населяют центральную часть нынешней Турции – провинцию Дерсим (ныне Тунджели) и окружающие ее территории. Заза (самоназвание *дымыли*) – потомки переселенцев из Дейлама, горной части нынешней иранской провинции Гилян на юге Каспия. Разумеется, между талышами, дейламитами (и, конечно, их потомками заза), гилянцами и мазендаранцами существует близкая этногенетическая и языковая связь. В частности, между талышским и языком заза (зазаки) существует множество эксклюзивных изоглосс (см. Асатрян 1990; Накобян 2017); более того, есть определенный уровень взаимопонимания, допускающей взаимную беседу на собственных языках. Но существенно и другое: заза, как отдельный народ с уникальной культурой и специфической формой религиозного сознания,⁵ а, следовательно, и с особым идентитетом, сформировался в Центральной Анатолии. Причем культурные элементы анатолийского окружения заза – от местных пережитков пантеизма до армянского христианства и алевитско-бекташитского симбиоза – оказали существенное влияние на становление заза как народа-носителя особой культуры и, в конечном итоге, как этно-политического фактора (см., в частности, Asatrian/Gevorgian 1988; Arakelova 1999-2000; Arakelova/Grigorian 2011). Заза, прежде всего, – анатолийский феномен, а заза-алевиты – органичная и неотделимая часть полиэтнического и многоязычного, но все же во многом единого алевитского пространства, объединяющим стержнем которого сегодня выступает именно общая анатолийская культура как особый, безусловно, эклектичный, но заверченный в своей эклектике исторический продукт (Аракелова 2012-2013). И игнорировать эту доминирующую анатолийскую составляющую в феномене заза так же абсурдно, как и северокавказскую – в феномене осетин.

Очевидно, что талышско-зазийское сближение,⁶ пусть пока и на виртуальном уровне, возникло на фоне популяризации результатов новых научных изысканий, а именно – постулирования каспийско-атурпатаканского языкового союза, который предполагает тесный симбиоз предков носителей южнокаспийских и азарийских диалектов, а также гурани и зазаки в определенный исторический период. Стоит результатам научных исследований попасть – уже в доступном изложении и в приложении к общественно-политическому дискурсу – в медиа-пространство, как они подхватываются, начинают обрастать новыми деталями, фильтруются и становятся элементами общественного дискурса, а затем и политического сознания той или иной группы и далее – целых этнических сообществ (подобно тому, как это произошло с

² Мехди Санаи, “Осетины – историческое кольцо, связывающее Иран и Россию”, <https://sanaei.livejournal.com/26670.html>

³ О талышах см. подробно с обобщающей библиографией Асатрян 2011.

⁴ О народе заза см. подробно с библиографией Asatrian 1995.

⁵ Речь, прежде всего, о заза-алевитах, но в целом ремарку можно распространить и на заза-суннитов, учитывая шиитскую доминанту среди народов южного юго-западного Прикаспия.

⁶ См., например, “Талыши и народ заза”, программа *Национального телевидения Талышистана* от 03.11.2017, <https://www.youtube.com/watch?v=PIOFHjYyWhs>.

ягнобцами, узнавшими о своих согдийских предках – см. выше, примечание 1). Однако не исключено, что в случае с талышами и заза поиск родства – это еще и интуитивный поиск потенциального союзника, попытка выстраивания виртуального альянса между двумя отнюдь немалочисленными негосударственными народами, чье жизненное пространство расположено внутри этнически чужеродной и недоброжелательной среды.

Обращает на себя внимание еще одна относительно новая тенденция, получившая развитие буквально в последние несколько лет. Речь идет о возникшей в среде езидов Армении и распространившейся далеко за ее пределами идее культурного родства между езидами и последователями индуизма (в самом широком смысле данного термина). В равной степени лишенная как научной основы, так и какой-либо политической подоплеки, данная форма буквально иллюзорного родства возникла, по всей видимости, как результат поиска в езидской среде братьев по культуре. В случае с исповедующей уникальную религию закрытой этно-конфессиональной общностью это не просто сложно, но и практически невозможно. Езиды – именно тот случай, когда идентитет формировался по мере кристаллизации принципиально нового религиозного сознания (см. Guest 1987; Аракелова 2006), что, в общем-то, является предусловием формирования закрытой этно-конфессиональной группы с последующим возникновением вектора этничности (Arakelova 2010). Так что, пытаясь обозначить нишу езидизма на религиозной ли, этнической ли карте региона, мы можем поместить его лишь в некое условное недогматическое ближневосточное поле, в котором он обнаруживает некоторые параллели с другими столь же закрытыми и уникальными феноменами – например, некоторыми крайнешиитскими сектами и мандеями (Arakelova 2004; eadem 2015). И вот на этом фоне вдруг возникает идея воображаемого родства езидов с индусами. Идея эта была четко артикулирована, в частности, Азизом Тамояном (Азизе Амар), председателем Езидского национального союза Армении: “Езиды родом из древней Индии, точнее - из Бомбея.... Мировому сообществу необходимо пересмотреть исторические свидетельства о езидках...”⁷ Основой для воображаемого родства послужила “общность культуры и, прежде всего, религии”, в частности, наличие кастовости в обоих сообществах и знаковость фигуры павлина (главное божество езидизма – Малак-Тавус, букв. Ангел-Павлин, предстает в образе этой экзотической птицы – см. подробно Asatrian/Arakelova 2014: Ch.1). Идея езидско-индусского родства, судя по всему, в силу актуальности езидской проблемы на фоне войны на Ближнем Востоке, быстро приобрела международный дискурс. Вполне оформившаяся езидско-индусская “коалиция”, в группу активистов которой вошли езиды и индусы из разных стран, немало сделала для повышения осведомленности мирового сообщества о геноциде езидов в Шенгале в 2014 и прочих проблемах этого народа. Индийская община провела акцию в поддержку езидов в Вашингтоне. В Индии делегацию езидов неоднократно принимали общественно-политические и религиозные деятели, а езидские и индусские активисты совместно организовали сбор помощи езидским беженцам.⁸ Таким образом, иллюзорное родство выражается во вполне конкретном и качественно новом продукте общественного поля.

⁷ “Езиды, которые родом из Индии”, <http://nv.am/ezidy-kotorye-rodod-iz-indii/> (29.03.2012).

⁸ См., в частности, “Езидско-индусская коалиция набирает популярность”, <http://www.ezidipress.com/ru/2014/11/15/езидско-индусская-коалиция-набирает/> (15.12.2014).

Мы затронули принципиально разные ситуации, отличающиеся в плане нюансов, инициирующих возникновение феномена воображаемого родства в разных средах, а также в плане результатов данного процесса в разных исторических/политических контекстах.

Совершенно особняком стоит, безусловно, последний пример (воображаемого езидско-индусского родства): будучи по-своему показательным, он не только не выстроен на языковой общности,⁹ но и вообще лишен сколь-нибудь правдоподобного научного обоснования, и уже в силу этого его никак нельзя назвать типичным.

Главным посылом идеи воображаемого родства в абсолютном большинстве случаев все же выступает вполне реальная, научно обоснованная языковая общность. И именно в контексте последнего особую актуальность приобретают замечательные слова Игоря Михайловича Дьяконова, вынесенные нами в качестве эпиграфа к данной заметке. Так и хочется свести их к еще более жесткой формуле: языки мигрируют гораздо масштабнее, чем народы. Вдумчивому читателю она наглядно демонстрирует не только пути и способы распространения языков, но и неизбежность формирования принципиально новых идентитетов на новом культурном субстрате, для которых язык, оставаясь лишь одним из маркеров самосознания, если и обращает к идее родства с носителями генетически близких диалектов, то лишь воображаемого.

БИБЛИОГРАФИЯ

- Аракелова В. (2006), “К истории формирования езидской общины”, *Иран-намэ: Армянский востоковедческий журнал* 40: 63-66
- (2012-2013), “Алевиты Турции: шиитский андерграуд?”, *Иран-намэ: Армянский востоковедческий журнал* 44-45: 12-20
- Асатрян Г.С. (1990), “Еще раз о месте заза в системе иранских языков (Заметки по новоиранской диалектологии)”, *Patma-banasirakan handes*, 4: 154-163.
- (ред.) (2011), *Введение в историю и культуру талышского народа*, Ереван.
- (2012), *Этническая композиция Ирана*, Ереван.
- Anderson B. (1991), *Imagined Communities: Reflections on the Origin and Spread of Nationalism*, London.
- Arakelova V. (1999-2000), “The Zaza People as a New Ethno-Political Factor in the Region”, *Iran and the Caucasus*, vol. 3-4: 397-408.
- (2004), “On the Yezidi Religious Syncretism”, *Iran and the Caucasus*, vol. 8.1: 19-28.
- (2010), “Ethno-religious Communities: To the Problem of Identity Markers”, *Iran and the Caucasus*, vol. 14.1: 1-19.
- (2015), “The Shibboleths of Heresies: On Some Essential Markers of the Near Eastern Non-Dogmatic Milieu”, *Studies on the Iranian World-II: Medieval and Modern* (Ed. A. Krasnowolska, R. Rusek-Kowalska), Krakow: 119-128.

⁹ Чему есть вполне конкретные причины: существование языковой общности езидов с курдами в принципе не могло послужить основой даже для воображаемого езидско-курдского альянса в силу особенностей езидского идентитета, основными маркерами которого являются так называемые отрицательные определения (*ex negativo* definitions) - не-мусульманскость и не-курдскость (см. подробно Arakelova 2010); отторжение этих двух сред, в общем-то, и сформировало в конечном итоге закрытую этно-конфессиональную группу.

- Arakelova V./Grigorian K. (2011), “The Halvori Vank’: An Armenian Monastery and Zaza Sanctuary”, *Iran and the Caucasus*, vol. 17.4: 383-390.
- Asatrian G. (1995), “Dim(i)lī”, *Encyclopædia Iranica*, VII/4, New York: 405-411, available online at <http://www.iranicaonline.org/articles/dimli> (accessed on 30 December 2012).
- (2009), “Prolegomena to the Study of the Kurds”, *Iran and the Caucasus*, vol. 13.1: 1-58.
- Asatrian G./Arakelova V. (2014), *The Religion of the Peacock Angel*, London.
- Asatrian G./Gevorgian N. (1988), “Zaza Miscellany. Notes on Some Religious Customs and Institutions,” *A Green Leaf. Papers in Honour of Prof. Jes P. Asmussen, Acta Iranica* 28, Leiden: 499-508.
- Diakonoff I. (1990), “Language Contacts in the Caucasus and the Near East”, *When Worlds Collide. Indo-Europeans and Pre-Indo-Europeans*, Linguistica Extranera, *Studia* 19, Ann Arbor.
- Said E. (1978), *Orientalism*, New-York.
- Hakobian G. (2017), “Lexical Similarities of Zazaki and Talishi”, Z. Arslan (ed.), *Zazaki – Yesterday, Today and Tomorrow. Survival and Standartization of a Threatened Language*, Graz: 33-55.
- Guest J. (1987), *The Yezidis: A Study in Survival*, New-York.

